

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.3>

UDC 811.161.1'0
LBC 81.411.2-03

Submitted: 12.09.2017
Accepted: 06.11.2017

THE IDENTIFICATION OF "SIMPLE" RUSSIAN LANGUAGE. SOME THEORETICAL REFLECTIONS

Svetlana Mengel

Martin Luther University of Halle-Wittenberg, Halle (Saale), Germany

Abstract. The author makes an attempt to deliver some observations on the issue that concerns identity of texts composed in 'plain' Russian. The analysis consists in distinguishing textual micro-blocks that incorporate marked and variable features of the Church Slavic and 'plain' Russian language, then comparing and differentiating their functional value as they are used in the micro-blocks stated.

Two 'Russian' translations of «*Te deum laudamus*» have been chosen for the comparative analysis: the translation from Latin into Church Slavic that used to be canonical in the 18th cen. Russia and interpretation of the Bible (translated into German by Martin Luther) that was adapted by Simon Todorsky for the Russian readers.

Considering the divine predestination of the text S. Todorsky included into his version a micro-block with a conversion to God that is composed of some specifically marked elements of Church Slavic. However, the lucidity of the text is achieved with another micro-block that is directed to an ordinary believer and includes elements of the 'plain' language, besides some notable forms of the language appear to mark the translator's personal style. Variability and unmarkedness of morphological and phonetic features that are non-densely observed throughout the text point to the fact that there appeared a special language variant – a plain style which is considered worthy of being used for converse with God.

Key words: history of the literary Russian language, the 18th cen., Church Slavic, plain Russian, Simon Todorsky.

Citation. Mengel S. The Identification of "Simple" Russian Language. Some Theoretical Reflections. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2017, vol. 16, no. 4, pp. 50-57. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.3>

УДК 811.161.1'0
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 12.09.2017
Дата принятия статьи: 06.11.2017

ПРОБЛЕМАТИКА ИДЕНТИФИКАЦИИ ТЕКСТОВ «ПРОСТОГО» РУССКОГО ЯЗЫКА. НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Светлана Менгель

Университет им. Мартина Лютера Галле-Виттенберг, Галле (Саале), Германия

Аннотация. В статье предпринимается попытка предложить решение проблемы идентификации текстов «простого» русского языка. Методика анализа включает процедуру выделения текстовых микроблоков, содержащих маркированные и вариативные признаки церковнославянского и «простого» русского языков, и последующий анализ целевой направленности использования выявленных признаков в данных микроблоках.

Сравнительный анализ проводится на материале двух «русских» переводов «*Te deum laudamus*»: бытовавшего в России в XVIII веке перевода с латинского на церковнославянский и перевода с немецкого перевода Мартина Лютера, выполненного в Галле для русскоязычного читателя Симоном Тодорским.

В переводе С. Тодорского, осознававшего богослужбное предназначение текста, представлен содержащий обращение к Богу микроблок, в котором использован церковнославянский язык со свойственными ему специальными маркированными элементами. Понятность текста создается в другом микроблоке, обра-

щенном непосредственно к простому верующему и включающем специальные маркированные элементы «простого» языка, а также маркантные формы из живого языка переводчика. Вариативность немаркированных морфологических и фонетических элементов, которая представлена необязательно широко, но по всему тексту, сигнализирует об отсутствии строгой нормы «стандартного» регистра и, как следствие, – о «простоте» языка, достойного для «общения с Богом».

Ключевые слова: история русского литературного языка, XVIII век, церковнославянский язык, «простой» русский язык, Симон Тодорский.

Цитирование. Менгель С. Проблематика идентификации текстов «простого» русского языка. Некоторые теоретические размышления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 50–57. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.3>

1. Теоретические предпосылки

Как известно, русский письменный язык в ходе своей истории с XI до первой половины XVIII вв. не был ни единым, ни однородным. Различающиеся по генетическим признакам церковнославянский и русский языки использовались для создания различных типов (сортов) текстов с различной целевой установкой. На основе предложенной Б.А. Успенским [Успенский, 1983; 1987] идеально-типической модели социолингвистического описания культурно-языковой ситуации на Руси в XI–XVII вв. можно исходить из наличия в данный исторический период ситуации диглоссии. Думается, что модель Б.А. Успенского (несмотря на обширную критику в его адрес) следует признать верной, если рассматривать ее именно как идеально-типическую (ср.: [Ferguson, 1959; Fishman, 1975]). Сохранившиеся тексты данной эпохи – а именно они должны составлять практическую основу любых теоретических описаний – свидетельствуют, как кажется, именно о такой языковой ситуации. Предложенная модель годится и для описания так называемых «смешанных» текстов, например, текстов летописей, если ее «модифицировать» выделением «тематических единств» [Hüttl-Folter, 1983] или текстовых микроблоков (то есть различных подсортов текста).

В процессе формирования и изменения культурно-языковой ситуации генетические различия церковнославянского и русского языков постепенно переходят в функциональные, каковыми они окончательно становятся в начале XVIII в. [Живов, 1996; Zhivov, 2009]. С функциональными целями и при использовании «механизма пересчета» элементы русского языка начинают сознательно допускаться

в тексты религиозного содержания, составлявшие прежде сферу церковнославянского языка. Таким образом выделяется особый сорт религиозных текстов с установкой на «понятность» содержания простому верующему. Их язык определяется как «простой». В.М. Живов убедительно показывает как данная «лингвистическая» установка формируется, например, во взглядах Феофана Прокоповича. С точки зрения лингвистического анализа ученый предлагает определять язык таких текстов как «гибридный» регистр церковнославянского языка в отличие от «стандартного» регистра в текстах Священного писания и богослужения. М.Л. Ремнева [Ремнева, 2003], рассматривая, в целом, те же группы текстов, но в несколько ином ракурсе, выделяет соответственно тексты с «нормой сниженного типа» и тексты с «книжно-славянской строгой нормой». К. Гутшмидт [Gutschmidt, 1997], основываясь на анализе текстов Франциска Скорины (а именно его предисловия к переводу Библии), предлагает выделять «особый “средний” идиом письменного языка». Не вдаваясь в терминологическую дискуссию, будем использовать в рабочем порядке близкую нам терминологию В.М. Живова для идентификации интересующих нас текстов «простого» языка.

Очерченная проблематика предполагает лингвистическую рефлекссию над текстовой продукцией церковнославянского языка. Как показала Н.Н. Запольская [Запольская, 2003, с. 220], для *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* в XVII – начале XVIII в. были характерны два различных типа такой рефлексии: «концепция греко-славянского православного универсализма» у *Slavia Orthodoxa*, задававшая «установку на поддержание правильности церковнославянского языка», то есть реф-

лекция носила «формальный, конвергентный, корректирующий характер», и «концепция христианского универсализма» у *Slavia Latina*, которая «мотивировала установку на “исправление” церковнославянского языка в целях достижения [не только] его правильности[, но] и понятности», то есть рефлексия носила «формально-семантический, конвергентный, корректирующий характер». Развивая эту мысль, приходим к выводу о том, что православные славяне Юго-Западной (Литовской) Руси помимо «концепции греко-славянского православного универсализма» должны были испытывать на себе дополнительное влияние «концепции христианского универсализма» и поэтому «понятность» религиозных текстов в плане «простоты» языка играла здесь особую роль.

**2. Переводы немецкой
душеспасительной литературы
на «русский» язык в Германии
в первой трети XVIII в.
в контексте «простого» языка**

В этом контексте представляется весьма логичным, что переводчик немецкой религиозной душеспасительной литературы на «простой» «русский» язык Симон Тодорский, бывший студент и будущий профессор Киевской Духовной академии [Mengel, Schorch, 2011; Winter, 1953], будучи студентом университета в Галле с 1729 по 1735 гг., избрал для своих переводов, как показали наши исследования [Менгель, 2002; Mengel, 2004; Chelbaeva, 2015], именно гибридный церковнославянский. Хорошо известная ему из *Slavia Latina* «концепция христианского универсализма», в сущности, совпадала с установкой пиетистов из Галле в их «всемирной» миссии распространения «истинного» христианства на «простом» (народном), понятном каждому верующему языке.

По определению В.М. Живова, для текстов «гибридного» регистра характерно обязательное наличие маркированных элементов и широкая вариативность форм в области нерелевантных признаков. Такими элементами считаются прежде всего формы прошедшего времени: использование простых претеритов и / или правильное употребление сложной системы прошедших времен как маркированных

признаков церковнославянского языка и употребление претеритальной формы на *-л* как маркированного признака русского «простого» языка. При этом «механизм пересчета» направлен из русского в церковнославянский.

В переводах Тодорского в этом плане наблюдается, однако, ряд особенностей. При создании своих переводов он оперирует микроблоками, что, с одной стороны, объективно обусловлено структурой текста оригиналов, где рассуждения или разъяснения автора сопровождаются прямыми и непрямыми цитатами из Священного писания. С другой стороны, при языковой однородности текста оригинала – это современный немецкий язык XVII – начала XVIII в. – Тодорский использует в микроблоках своих переводов различные языковые стратегии: прямые цитаты из Священного писания даются в стандартном регистре церковнославянского языка и соответствуют, в целом, тексту Острожской Библии; в не прямых цитатах и тексте автора используется «простой» язык гибридного регистра с различной степенью его «простоты». При этом в словах автора, как представляется, изменяется направленность «механизма пересчета» из церковнославянского в русский, если здесь вообще не следует исходить из того, что Тодорский использует «народный» язык, заметим, в религиозных текстах (см. рис. 1).

Вариативность форм в области нерелевантных морфологических признаков в переводах Тодорского практически отсутствует. Это касается прежде всего известной мены окончаний в презенсе 2 лица ед. числа *-иш / -ишь* и инфинитива на *-ти / -ть*: Тодорский использует исключительно церковнославянские формы на *-иш* и *-ти*, как и личное местоимение *азъ*, союз *ако* и другие церковнославянские языковые единицы лексического и синтаксического уровней. Вариативность наблюдается на фонетическом уровне, на что обратил внимание уже Д.И. Чижевский [Чижевский, 1943; Čiževskij, 1939].

Особенно остро проблема идентификации текстов или микроблоков по маркированным и / или вариативным признакам встала в связи с созданием электронной базы данных «русских» переводов из Галле, которая призвана предоставить широкой научной общественности возможность ознакомиться с этими текстами и включить их в исследования

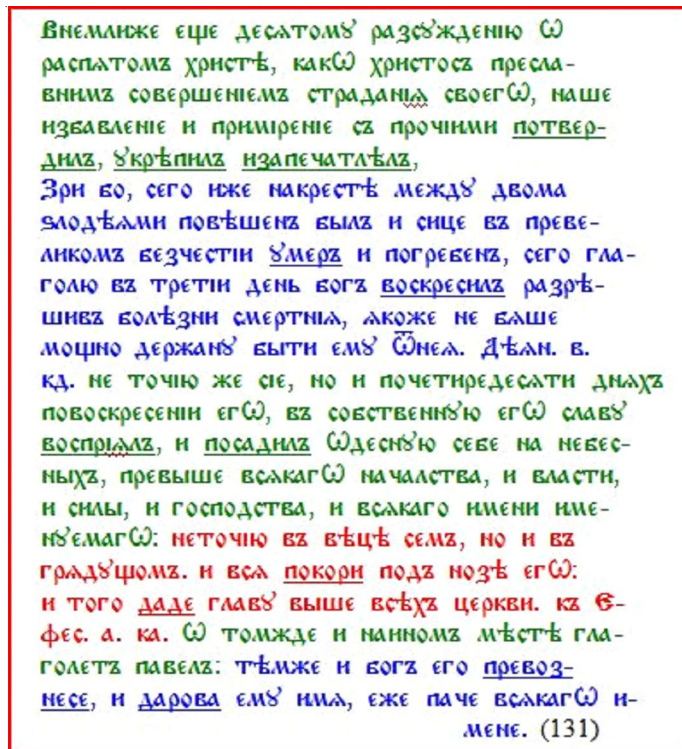

Рис. 1. Пример из перевода С. Тодорского «Писанию Священному согласующееся наставление»
А. Фрайлингхаузена (ср.: [Chelbaeva, 2015]):

красным отмечены прямые цитаты из Священного писания; синим – непрямые; зеленым – слова автора;
подчеркиванием – формы прошедшего времени

дискурса формирования русского литературного языка нового типа в первой трети XVIII в., определив тем самым значение в этом дискурсе переводов из Галле, которые целенаправленно распространялись в России. Заложить в базу данных тексты с учетом микроблоков и использованных в них языков (или регистров) чрезвычайно важно для получения нефальсифицированных результатов исследования. Так, общая статистика употребления форм претеритов в переводе «Наставления к Священному писанию» Й. Ардта может привести к выводу, что перевод выполнен на стандартный церковнославянский

(см. таблицу), но это не соответствует действительности, так как формы на -л сознательно использованы в компактных микроблоках перевода, написанных на «простом» языке (см. рис. 2).

Для идентификация текстов «простого» языка проблематично такое положение вещей, когда в текстах отсутствуют маркированные формы претеритов на -л (при наличии маркированных церковнославянских претеритов или вообще отсутствии форм прошедшего времени), но обнаруживается вариативность форм в области нерелевантных признаков, причем необязательно на уровне морфологии, но на

Количество церковнославянских и русских маркированных элементов в переводе С. Тодорского «Наставления к Священному писанию» Й. Ардта

Элементы	Стандартный регистр (церковнославянский)	Регистры не книжного языка (русский)
Формы прошедшего времени	аорист:	21
	перфект:	13
	имперфект:	19
	плюсквамперфект:	0
Синтаксические конструкции	Ѧ + глагол в наст. времени:	6
	Ѧще + глагол в наст. времени:	12
		формы на -л: 44
		Ѧбы + формы на -л: 6

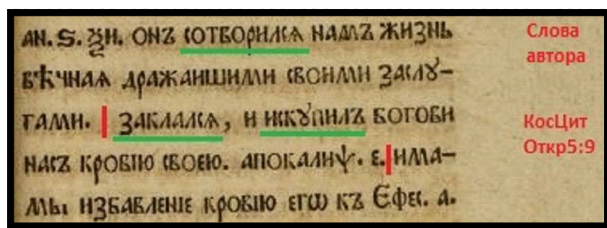

Рис. 2. Пример из перевода С. Тодорского «Наставления к Священному писанию» Й. Ардта: подчеркиванием отмечены формы прошедшего времени в словах автора и косвенной цитате из Священного писания

уровне фонетики, что отражается в орфографии и / или графике текста. Часто такие тексты представлены в гомилетической литературе (которая, по определению В.М. Живова, должна быть связана с «гибридным» регистром церковнославянского языка), а также и в литературе полонической.

3. «Простой» язык, достойный для общения с Богом и понятный простому верующему, в переводческих решениях Симона Тодорского

В дальнейшем мы сделаем попытку предложить решение проблемы путем выделения текстовых микроблоков с определенными маркированными элементами, проанализировав целевую направленность использования этих элементов в микроблоках – для достижения понятности и «простоты» языка, достойного для «общения с Богом». Рассмотрим также роль вариативных элементов.

Для анализа используем два хранящихся в архиве Фонда А.Г. Франке в Галле переводы Амброзианского гимна «Te deum laudamus»: (1) перевод, бытовавший в России в XVIII в., и (2) перевод, выполненный в Галле С. Тодорским для русскоязычного читателя (см.: [Менгель 2002; Mengel, 2000; 2004]).

Первый перевод записан рукой К.М. Родде на последнем листе «Псалтыри учебной», которую он подарил при отъезде из Галле библиотекарю Сиротского дома Г. Мильде в 1717 г., о чем свидетельствует дарственная надпись. Текст снабжен латинским подстрочником. Перевод «Te deum laudamus» был известен в России уже с 1596 г. в составе книги «Молитвы повседневные» [Пекарский, 1862, с. 90] и мог исполняться вместо акафиста во время богослужения (позднее – на музыку

Д. Бортнянского). Именно этот текст и записал Родде. Перед нами перевод с латинского на церковнославянский язык стандартного регистра, как это и положено для текста богослужения. По всему тексту корректно используется сложная система прошедших времен, окончание прилагательных в род.п. ед.ч. *-аго*, окончание существительных м.р. мн.ч. тв.п. *-ы* (например, *непрестанными гласы*), единственный случай «нецерковнославянского» окончания, допустимого, однако, в стандартном регистре, представлен формой на *-овъ* у существительного м.р. мн.ч. род.п.: *мучениковъ* вместо *мученикъ*.

Перевод Тодорского (см. рис. 3) напечатан в Галле также в качестве приложения к книжице псалмов под названием «Пять избранныхъ Псалмовъ царствующаго пророка Давида [...] къ ползѣ разсианихъ россианъ издадошася» и издан еще раз приложением к переводу «Малого катехизиса» А.Г. Франке [Mengel, 2005].

Перевод выполнен с немецкого оригинала перевода М. Лютера. Общее впечатление, производимое текстом, свидетельствует о том, что перед нами текст на «простом», понятном языке, хотя в нем полностью отсутствуют претериты на *-л* и правильно употреблены формы сложной церковнославянской системы прошедших времен, наличествуют нетематический императив ([36] *даждь*), атематическое спряжение ([32] *имашь быти*), а также эклектические формы личных местоимений.

Чем же достигается «простота» языка? При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что все названные выше маркированные элементы церковнославянского языка сосредоточены в одном компактном микроблоке, в строках [26–36]: *восхотѣль еси сынъ быти / девич, и насъ искупити, / тобою*

(о)	KI	KA	(о)	KE	
1	ТѢБЕ ПОХВАЛАЕМЪ,	18	БІЕ ХРИСТІАНКОЕ ПІЕМА	35	ЧРЕЗЪ КРОВЪ ТВОЮ НІКѠПЛЕННІХЪ.
2	КЪ ТЕБѢ ПРИПАДАЕМЪ,	19	ІАВЧТТА Н.І ВІАКО ВЪЕМА,	36	АІЖДЪ ВЪ НЕБѢ ЧАСТЬ ПОЛЪЧНН,
3	БОЖЕ ѠЧЕ, ЧРЕЗЪ ВІА ЛѢТА	20	ТА ѠТЦА НАДЪ ВІА ГДННА,	37	БІѢМЪ НАМЪ СПАСЕННІМЪ БЫТИ.
4	ХВАЛАТТА КОНЦЫ ІВѢТА,	21	ІОКТЕСТВЕННАТІ СЛІНА,	38	ІЗ НАСІѢДІЕМЪ ТЕОНМЪ БЪДН
5	ВІА СІЛЫ НЕБІЗ ГОРѢ,	22	ДЪХА ІВАТА ВІАНЧІАЕТЪ,	39	ІПАН ХРНТЕ ТВОА ІАДН
6	ВІА НАЗЕМІѢ Н ВЪ МОРѢ,	23	БОГОЛѢННО ПОЧІТАЕТЪ.	40	ДАВЕГДА НХЪ ІОБЛОДЕШН.
7	Н САМІН ХЕРЪВІМН	24	ХРНТЕ ТЫ ЦАРЪ ВІМОГЪЩІН,	41	Н НА НЕБО ВОЗВЕДЕШН.
8	ВОПѢБАЮТЪ ІЗ СЕРАФІМН:	25	ІЗ ѠЦЕМЪ ПРЕЖДЕ ВЪѢХЪ ВЪКЪ ІВ-	42	НА ВІАКЪ ДЕНЬ ТА ПОХВАЛАЕМЪ,
9	ІВАТЪ ІН БОЖЕ НАШЪ,		ЦЫН,	43	НАМЪ ТВОЕ ПРОІАВЛАЕМЪ.
10	ІВАТЪ ІН БОЖЕ НАШЪ,	26	БОУХОТѢЛЪ ІН ІСНЪ БЫТИ	44	ІОХРАМН НАЪ ДЕНЬ О БОЖЕ!
11	ІВАТЪ ІН БОЖЕ НАШЪ ГОПОДН САВА-	27	АѢВЧЪ, Н НАІЗ НІКѠПНН,	45	ДА НЕВѢДАНЪ НАІЗ НІЧТОЖЕ.
	О.А.Ъ!	28	ТОВОЮ ІМЕРТЬ ВЪѢХЪ ПОПРАІА,	46	БОЖЕ МНОГОТЪВЪ НАМЪ БЪДН,
12	ДЕРЖАВА ТВОЕА ВІАСТІ	29	ВЪРНМЪ НЕБО АДОКАСА.	47	ВЪ БѢДЪВІН НАІЗ НЕЗАБЪДН.
13	ІШІРША НАДЪ ВІА ІВѢТА ЧАСТІ.	30	ОДЕНЮ ѠЦА СІАВНН	48	БЪДН МНОГОТЬ ТВОА ІЗ НАМН,
14	ТА АПОТОЛН ВІАЖЕННН	31	ЦАРЪ ІНДШН, ѠЦЪ РАВНН.	49	ІМОЛМОТА ІОІЕЗАМН,
15	Н ПРОРОКН БОЖЕСТВЕНН	32	ТЫ ІМАШЪ ІВДІА БЫТИ,	50	ДА ТЕБѢ МЫ ПОРЪЧЕНН
16	ІЗ МЪЧЕНІКАМН ВЪѢ РАВНО	33	ЖІВНХЪ Н МІРТВНХЪ ІВАНН,	51	НЕБЪДЕМО ПОРАМІЕМЪ
17	ВОПѢБАЮТТА ПРЕІАВНО.	34	ІПАН ВЪ ТЕБѢ ѠТВѢРЖЕНННХЪ,		ІАМНН.
	КІЕ		ЧРЕЗЪ	52	ІАМНН.

Рис. 3. Перевод Амброзианского гимна, выполненный С. Тодорским и напечатанный в Галле

смерть всѣхъ *попроса*, / *вѣрнимъ* небо *дароваса* [26–29]; далее: *ты имашъ свдѣа быти* [32]; *даждь* въ *небѣ* часть *полѣчити* [36]. Причем аористы употреблены в пассивных конструкциях, резкое увеличение числа которых начиная с конца XVII в. характерно для деловой письменности. Весь микроблок представляет собой непосредственное обращение к Богу.

В других частях своего перевода Тодорский избегает употребления форм прошедшего времени. В самом же конце текста находится другой микроблок, включающий маркантные формы из живого языка переводчика: *молимота* *сослезамн*, / *да тебѣ* мы *порѣченн* / *небѣдемо* *посрамленн* [49–51] (ср.: в тексте, записанном Родде, в этом месте употребляется аорист: *уповахомъ*, которым переводится перфект латинского оригинала *speravimus*, *speravi*). Как представляется, интенция данного микроблока, завершающего весь текст гимна и потому особенно важного, – в противоположность предыдущему (строки 26–36) направлена, в первую очередь, непосредственно к простым верующим. Формы 1 л. мн.ч. наст.вр. не входят, как известно, в традиционный набор маркированных элемен-

тов (в строках 42–43 они даны с «нейтральным» окончанием *-емъ*), их использование для создания «простоты» и понятности языка представляет собой индивидуальное решение Тодорского.

Традиционная для «гибридных» текстов вариативность форм инфинитива и форм наст.вр. 2 л. ед.ч. в тексте отсутствует: употреблены исключительно формы на *-ти* и предпочтительно формы на *-ши*: *царь сидиши*, *Ѡцѣ равныи*. / *ты имашъ свдѣа быти* [31–32]; *соблюдеши* / *возведеши* [40–41], что характерно, как было сказано выше, и для других переводов Тодорского. Варианты окончаний представлены только во мн.ч. тв.п. существительных м.р.: (*и Саміи херѣвими*) / *Воспѣвають съ Серафими* [7–8] – *съ мѣчениками* [16], и в формах наречий: *съ мѣчениками* *Всѣ равно* / *воспѣваюттѣ* *преславно* [16–17], *боголѣнно* [23] – *Всѣ* *силы небесъ горѣ* / *Всѣ* *наземлѣ* *и въ морѣ* [5–6]. Они не связаны с микроблоками и используются в целях стихосложения для создания рифмы. Фонетическая вариативность, на которую обратил внимание Д.М. Чижевский (см. выше), выражается в смещении букв «ы» и «и», ср. окончания им.п. и тв.п. мн.ч. в *херѣ-*

вими / Серафими [7–8], что может быть объяснено «украинским произношением» Тодорского. Она также не связана с микроблоками и представлена по всему тексту.

Итак, осознавая богослужебное предназначение текста, Тодорский выделяет специальный микроблок, содержащий обращение к Богу, и использует в нем достойный для общения с Богом язык – церковнославянский с принадлежащими ему специальными маркированными элементами. Для понятности текста простому верующему создается другой микроблок, обращенный непосредственно к нему и включающий специальные маркированные элементы живого – «простого» и понятного – языка. Вариативность немаркированных морфологических и фонетических элементов, которая представлена необязательно широко, но по всему тексту, призвана, как кажется, сигнализировать об отсутствии строгой нормы «стандартного» регистра и, как следствие, – о «простоте» языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Живов В. М., 1996. Язык и культура в России XVIII века. М. : Школа «Языки русской культуры». 591 с.
- Запольская Н. Н., 2003. «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М. : Индрик. 240 с.
- Менгель С., 2002. К истории становления русского литературного языка нового типа // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 61, № 5. С. 35–40.
- Пекарский П. П., 1862. Наука и литература в России при Петре Великомъ. Т. 1. СПб. : Издание Товарищества «Общественная польза». 596 с.
- Ремнева М. Л., 2003. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М. : Изд-во Моск. ун-та. 396 с.
- Успенский Б. А., 1983. Языковая ситуация в Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М. : Изд-во МГУ. 144 с.
- Успенский Б. А., 1987. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). München : Sagner. 367 с.
- Чижевський Д., 1943. Українські друки в Галле. Краків ; Львів : Українське видавництво. 32 с.
- Chelbaeva T., 2015. «Русские книги» из Галле в дискурсе формирования русского литературного языка нового типа : дис. канд. Университет им. Мартина Лютера Галле-Виттенберг. URL: <http://digital.bibliothek.uni-halle.de/hs/content/titleinfo/2399793>.
- Čyževskýj D., 1939. Der Kreis A.H. Franckes in Halle und seine slavistischen Studien // Zeitschrift für slavische Philologie. Band XVI, Heft 1/2. S. 16–68 ; 153–157.
- Ferguson Ch. A., 1959. Diglossia // Word. Journal of the Linguistic Circle of New York. Vol. 15, no. 2. P. 325–340.
- Fishman J. A., 1975. Soziologie der Sprache. München : Max Hueber Verlag. 244 S.
- Gutschmidt K., 1997. Die Sprache der Vorreden Francisk Skorinas zu den Büchern des Alten Testaments und die sogenannte „einfache Sprache“ bei den orthodoxen Slaven // Sprache – Text – Geschichte / Guski A., Kosni W. (Hg.). München : Sagner. S. 81–91.
- Hüttl-Folter G., 1983. Die trat-, torot-Lexeme in den altrussischen Chroniken. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der russischen Literatursprache. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 390 S.
- Mengel S., 2000. „Russische“ Übersetzungen hallescher Pietisten: Simeon Todorskij, 1729–1735 // Dem Freidenkenden. Zu Ehren von Dietrich Freydank / Mengel S. (Hg.). Münster ; London ; Hamburg. S. 167–188. (Slavica Varia Halensia, Bd. 6).
- Mengel S., 2004. Die „einfache Sprache“ der hallischen Bibelübersetzungen ins „Russische“ // Normen, Namen und Tendenzen in der Slavia / Lehmann V., Udolph L. (Hg.). München : Otto Sagner. S. 233–241.
- Mengel S., 2005. Pietistische Lieder für Russland? // Wortbildung, Wörterbuch und Grammatik in Geschichte und Gegenwart der Slavia : Festschrift für Erik Günther / Gladrow W. (Hg.). Frankfurt am Main : Lang, cop. S. 61–69. (Berliner Slawistische Arbeiten, Bd. 27).
- Mengel S., Schorch St., 2011. Die *Harmonia vocum hebræarum cum Slavonicis rutenicis et polonicis* von Simon Todorskij: Ein neuer Archivfund zu vergleichenden Sprach- und Bibelstudien an der Universität Halle im frühen 18. Jahrhundert // Logos im Dialogos. Auf der Suche nach der Orthodoxie. Gedenkschrift für Hermann Goltz. Berlin et al. : Lit-Verlag. S. 545–567.
- Winter E., 1953. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin : Akad.-Verlag. VII. 502 S.
- Zhivov V., 2009. Language and Culture in Eighteenth-century Russia. Boston : Academic Studies Press. 524 p.

REFERENCES

- Zhivov V.M., 1996. *Language and culture in Russia of the 18th century*. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 591 p. (in Russian).
- Zapolskaya N.N., 2003. *The "common" Slavic literary languages: the typology of linguistic reflection*. Moscow, Indrik Publ. 240 p. (in Russian).
- Mengel S., 2002. The history of formation of Russian literary language of a new type. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*, vol. 61, no 5, pp. 35-40. (in Russian).
- Pekarskiy P.P., 1862. *Science and literature in Russia under Peter the Great*. Saint Petersburg, Izdanie Tovarishchestva "Obshchestvennaya polza", vol. 1. 596 p. (in Russian).
- Remneva M.L., 2003. *Ways of development of the Russian literary language in the 11th –17th centuries*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 396 p. (in Russian).
- Uspenskiy B.A., 1983. *The language situation in Kiev Rus and its importance for the history of the Russian literary language*. Moscow, Izd-vo MGU. 144 p. (in Russian).
- Uspenskiy B.A., 1987. *The history of the Russian literary language (11th –17th centuries)*. München, Sagner. 367 p. (in Russian).
- Chizhevskiy D., 1943. *Ukrainian publications in Halle*. Krakiv; Lviv, Ukrainske vidavnictvo Publ. 32 p. (in Ukrainian).
- Chelbaeva T., 2015. "Russian books" from Halle in the discourse of formation of the Russian literary language of a new type: cand. dis. Halle-Wittenberg, Martin-Luther-Universität, 2015. URL: <http://digital.bibliothek.uni-halle.de/hs/content/titleinfo/2399793>. (in Russian).
- Čyževskýj D., 1939. Der Kreis A.H. Franckes in Halle und seine slavistischen Studien. *Zeitschrift für slavische Philologie*, vol. XVI, no. 1/2, pp. 16-68; 153-157.
- Ferguson Ch.A., 1959. Diglossia. *Word. Journal of the Linguistic Circle of New York*, vol. 15, no. 2, pp. 325-340.
- Fishman J.A., 1975. *Soziologie der Sprache*. München, Max Hueber Verlag. 244 p.
- Gutschmidt K., 1997. Die Sprache der Vorreden Francisk Skorinas zu den Büchern des Alten Testaments und die sogenannte „einfache Sprache“ bei den orthodoxen Slaven. Guski A., Kosni W., eds. *Sprache – Text – Geschichte*. München, Verlag Otto Sagner, pp. 81-91.
- Hüttl-Folter G., 1983. *Die trat-, torot-Lexeme in den altrussischen Chroniken. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der russischen Literatursprache*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 390 p.
- Mengel S., 2000. „Russische“ Übersetzungen hallescher Pietisten: Simeon Todorskiy, 1729-1735. Mengel S., ed. *Dem Freidenkenden. Zu Ehren von Dietrich Freydank*. Münster; London; Hamburg, pp. 167-188. (Slavica Varia Halensia, vol. 6).
- Mengel S., 2004. Die „einfache Sprache“ der hallischen Bibelübersetzungen ins „Russische“. Lehmann V., Udolph L., eds. *Normen, Namen und Tendenzen in der Slavia*. München, Verlag Otto Sagner, pp. 233-241.
- Mengel S., 2005. Pietistische Lieder für Russland? Gladrow W., ed. *Wortbildung, Wörterbuch und Grammatik in Geschichte und Gegenwart der Slavia: Festschrift für Erik Günther*. Frankfurt am Main, Lang, cop., pp. 61-69. (Berliner Slavistische Arbeiten, vol. 27).
- Mengel S., Schorch St., 2011. Die *Harmonia vocum hebræarum cum Slavonicis rutenicis et polonicis* von Simon Todorskiy: Ein neuer Archivfund zu vergleichenden Sprach- und Bibelstudien an der Universität Halle im frühen 18. Jahrhundert. *Logos im Dialogos. Auf der Suche nach der Orthodoxie. Gedenkschrift für Hermann Goltz*. Berlin, Lit-Verlag, pp. 545-567.
- Zhivov V., 2009. *Language and Culture in Eighteenth-century Russia*. Boston, Academic Studies Press. 524p.
- Winter E., 1953. *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert*. Berlin, Akad.-Verlag, VII. 502 p.

Information about the Author

Svetlana Mengel, Dr. phil., Professor, Director of the Institute of Slavic, Martin Luther University of Halle-Wittenberg, Adam Kuckhoff-Str. 35, 06099 Halle (Saale), Germany, swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

Информация об авторе

Светлана Менгель, доктор филологических наук, профессор, директор Института Славистики, Университет им. Мартина Лютера Галле-Виттенберг, Мартин-Лютер-Университет, Adam Kuckhoff-Str. 35, 06099 Галле (Саале), Германия, swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de